

21 января Виктору Васильевичу Кудрявцеву исполнилось 60 лет. В Руднянской районной библиотеке состоялся творческий вечер юбиляра. В его адрес пришло поздравление от Правления Союза российских писателей. От Смоленской организации юбиляра поздравляли В. Макаренков, Л. Кузьмин и С. Подольский.

Желаем Виктору Васильевичу долгих лет жизни и новых вдохновенных стихов!

Меня хранили женщины и ливни,
Пройдя, не оставлявшие имен.

В. Ерёмченко

Лежу и думаю о разном,
Хотя, наверно, об одном:
Смогу ли быть таким же праздным,
Когда предстану пред Судом,
Когда язык присохнет к глотке
И станет липкою спина?

Ведь будет разговор коротким
Пред тем, как получить сполна
За лень, за стыд, за любострастье,
Сомнений тяжкие грехи...

Ну что ж, – мы все в Господней власти.

Но я зато писал стихи
И проживал чужие жизни,
Всю боль беспамятных времен,
Молясь в поруганной отчизне
За не оставивших имен.

Иль мается ставень чокнутый
В холодном, сыром дому?
Иль тихо скулит под окнами
Утопленница Муму?
Иль стынет слезою каменной
В бадье у стрехи вода?

...Нет света в комнате маминой.
А мне без света – куда?..

Трехлетней дочери подарок
Был неказист, помят, неярк...

Протянутый альбомный лист,
По сути, оставался чист.
Лишь в уголке – пунктирно, косо
(Ах, эти лучики-занозы!) –
Летели солнце, птицы, дом.
И мы. (Пока еще втроем...)

Мой самый верный оберег,
Когда вдоль жизни я бреду, –
Стеною падающий снег
В глухом родительском саду,
Засыпавший мукою двор,
Деревья, ветхое крыльцо,
И сонной прялки разговор,
И мамы теплое лицо...

«Пятница, суббота, воскресенье...
Нет у нас от старости спасенья», –
Написал когда-то М. Светлов.
Он, конечно, знал предмет неплохо,
Юморист, романтик, выпивоха,
Автор удивительных стихов.

Вот и у меня на сердце осень:
Пятьдесят один... четыре... восемь...
Стынет в лужах мертвая вода.
Убежать? – Кому я на хер нужен?!
Снова вечер. Холостяцкий ужин.
Понедельник, вторник и среда...

Собираю вещички.
Их по счастью немного:
Только щебеты птичьи
Да бурьян у порога,

Только карточка мамы,
Запах тлена окрест,
Покосившейся рамы
Укоряющий крест.

За окном – чугунные потемки:
Ни луны, ни звезд, ни фонаря...
Остается занавеску комкать, –
Жил как все, сказать по правде, зря.

Не сберег, не понял, не исправил,
Не учел, не повинился, не...
Так и бился, как в боях без правил,
Весь свой век башкою по стене.

Костями набитый лабиринт
На стенах граффити хранит:
«Мой Бог, да где ж конец пути?!
Помилосердствуй, просвети!..»

Хранит молчание Господь.
Он испытует нашу плоть:
При свете – атеисты все.
А в темноте? А на кресте?

«Помним. Любим. Скорбим.»

...Сыновья, пьяные в дым.
Вдова – с каким-то хахалем.
(А как убивалась, плакала:
«Васечка, родненький, не умирай!..»)
Высохший веноч. Иван-чай
На могилке и около...

Память – штука жестокая.

1917

Поводя отеческой бровью,
Он смотрел на русский Содом:
«На песке, пропитанном кровью,
Невозможно построить дом,
Как нельзя незапятнанной душу
Сохранить среди нечистот.
Но я планы их не нарушу,
Чтобы помнили этот год!»

Пластилиновое небо.
Отпечатки Божьих рук.
(Был я в мире, или не был?..)
Шелестит гончарный круг.

Чтобы голый и дрожащий
Был и ты отправлен в бой,
В черепками полный ящик,
Называемый судьбой.

Пишу, наверно, для немногих:
Старушек нескольких убогих,
Изголодавшейся вдовы,
Переходящей с «ты» на «вы»,
Монашки, девочки-подростка,
Астматика прозрачной воска,
Убийцы с мягкой рукой...
Да синевы над головой,
Да поля русского, нагого,
Да долгожданного улова
Звезды в студеной полынье.

(Она ведь помнит обо мне?..)

Недавно – жизнь тому назад –
Был дом, окошко, тихий сад...

Облокотясь на подоконник,
Среди ветвей и звезд среди
Я тщетно силился найти
Глаза, что были на иконе,
Висевшей в мамином углу.

Порою сквозь ночную мглу,
Казалось, проступало что-то...
Но что? Я застывал, как мышь,
Едва дыша, и слышал лишь
Сверчка привычную работу.

Сон обволакивал меня,
Овин, сугробы у плетня
И домотканые рубахи
Дерев ли зябких во дворе,
Стрельцов ли, в раме, на ковре,
Застывших у зловещей плахи.

.....
Давно – не дальше как вчера –
Я услышал во сне: «пора!».

...И вот иду. И вязнут ноги
Проселком в глине и траве,
В сомнениях, в лихой молве...

Но я иду по той дороге.

...и ведь не скажешь: «нет на вас креста!».
Они висят у многих, аж до пуза,
На цепке золотой (кило с полста) –
Вериги распальцованного груза.

(У каждого, конечно, свой причал,
Своя клюка, своя, впотьмах, дорога...)

А разве я трусливо не молчал,
Когда под рев толпы распяли Бога,
Когда стучали глухо молотки,
И червенели винограда грозди,
И подавались – наперегонки –
На черный день припрятанные гвозди.

Мокрые ветви скребуются в окошко.
Мокрые ветви, о чем ваша речь?
Я еще жив, подождите немножко,
Не рассыпайте по стеклам картечь
Капель упругих продрогшего сада
(Вишни в листве, как под душем соски).

Мне напоследок небольшое надо:
Не прозевать бы посадку до Ада,
Не удавиться б, случайно, с тоски.

Толку ль, что цену в конечные сроки
Знаешь всему: и строке, и рублю...
Ведь не понять в муравьиной мороке, –
Мир уходящий, прекрасный, жестокий, –
Я проклинаю иль нежно люблю.